

ПРОЛОГ

Вода в бассейне вдруг стала слишком холодной. Неприятное ощущение. И свет режет глаза, хотя он и приглушил его, прежде чем приступить к водным процедурам. Грудь сдавил спазм. Этого не должно было случиться, ведь всего полчаса назад он принял лекарства, а они никогда его не подводили! И все же медицинское образование подсказывало, что пора «на берег». Завтра нужно позвонить врачу и сказать, что... что... черт, о чем это он? Мысли путались, и он попытался глубоко вдохнуть. Не вышло: грудная клетка будто свинцом налилась. Нет, скорее в нее словно напихали ваты... Он судорожно заработал руками, чувствуя, как левая сторона, начиная со ступней, немеет. Надо успеть доплыть до бортика...

Скрипнула, отворяясь, дверь. Слава богу, кому-то вздумалось спуститься в бассейн, и он получит помощь! Бортик находился всего в полуметре от пальцев, но как же трудно дотянуться... Голова отяжелела, и он тщетно пытался поднять ее, чтобы посмотреть вверх. В дрожащей воде, ставшей практически ледяной, отразились лица. Два лица. Почему они не двигаются, неужели не видят, что с ним беда? Он хотел закричать, но голос отказывался повиноваться. Тело внезапно стало неповоротливым, будто бы чужим, и лишь глаза и мозг, хотя и затуманенные болью, продолжали функционировать.

Ему удалось уцепиться кончиками пальцев за гладкий кафель, и он попытался вдохнуть. Вроде получилось... И тут что-то надавило на его макушку и толкнуло вниз. Он не успел закрыть рот и хлебнул изрядную порцию хлорированной воды. Как же она отвратительна на вкус! Его руки поднялись над водой, хватаясь за воздух. Что происходит?! Он уже почти поднялся к поверхности, когда чья-то сильная рука вновь погрузила его в бассейн, не позволив набрать в легкие воздуха. Вместо этого туда потоком хлынула вода, выдавливая остатки кислорода, причиняя адскую боль, разрывая тело на тысячу частей.

Последним, что он увидел, были круглые светящиеся пятна на поверхности воды. Они становились все больше, растекаясь, разрастаясь, как ярчайшая вспышка от взрыва мегатонной бомбы...

* * *

Из смотровой выпорхнула стайка практикантов, большинство которых составляли особы женского пола. Длинноногие, гладкокожие, они сияли, глядя на возглавлявшего процессию мужчину в белом халате. Алина сглотнула предательски застрявший в горле комок — не на одну нее Севан Мейроян производил сильное впечатление. Девчонки выпендривались друг перед другом, и становилось ясно, что двум прыщавым паренькам, как будто случайно затесавшимся в этот цветник, ничего не светит: девичьи взоры были устремлены в сторону красавчика-доктора. Он улыбался в усы, купаясь в лучах восхищения «адептов», как с легкой руки зава отделением называли практикантов Севана, словно это какая-то секта огнепоклонников. Вернее, поклонников Севана Мейрояна. Если бы даже он выглядел как Вельзевул, и тогда бы табуны женщин ходили за ним, будто загипнотизированные — он считался одним из лучших хирургов среди «молодого поколения». Но, к несчастью, Севан был красив, как восточное божество, и каждый раз, глядя на него, Алина ощущала, как душа уходит в пятки, словно она на бешеной скорости летит вниз с «американских горок». У нее и мысли не возникало, что доктор Мейроян почтит ее своим вниманием, ведь она ему не ровня. Его дед — академик Манас Мейроян, мировая знаменитость. Отец — профессор Баграт

Мейроян, ректор Первого медицинского университета, блестящий нейрохирург. Не менее блестящее будущее ожидает и Севана. А кто она такая? Алина Руденко, двадцати трех лет, мать-одиночка, живущая в коммунальной квартире и подрабатывающая уходом за лежачими больными.

Севан поднял голову и посмотрел прямо на нее. Странно, он никогда не замечал Алину. Не заметил бы, даже если бы она стояла голая под водопадом в лучах заходящего солнца и пела гимн России. Его губы дрогнули в улыбке, и Алина оглянулась: наверняка за ее спиной стоял кто-то, заслуживающий его внимания. Надо же, никого! Остолбнев, Алина тарасилась на Мейрояна, аккуратно отодвинувшего девчонок, чтобы расчистить себе путь к стойке постовой медсестры, возле которой она стояла.

— Алина, на два слова, — обратился он к ней, приблизившись на расстояние вытянутой руки. На нее пахло дорогим парфюмом. Едва заметный, тонкий аромат, отличающийся от тех, каким обычно пахнут знакомые ей мужчины. Оказывается, он помнит ее имя!

— Меня?! — в панике пробормотала Алина.

Взяв за локоть, Севан отвел ее в сторонку, в то время как взгляды практиканток ревниво сканировали обоих. Склонившись к самому ее уху, отчего у Алины перехватило дыхание, он сказал:

— Ты же занимаешься этим адвокатом, Гальпериным, верно?

Она молча кивнула, глядя на него снизу вверх. Его темно-карие, как спелая черешня, глаза, осененные длинными ресницами, такими черными и густыми, что казались подведенными тушью, смотрели прямо на нее. Никогда раньше он не подходил столь близко. Почему ноги будто ватные? Что ему от нее нужно?

Кого-то убить, что-то украсть или шпионить в пользу иностранного государства? Она согласна, согласна!

— Не присмотришь за бабулей?

— За... бабулей? — пробормотала Алина.

— У нее ушиб позвоночника. Понимаешь, моя не в меру активная бабушка решила повесить новые шторы — ну не терпелось ей этим заняться, и она не стала дожидаться домашних... Она в седьмой палате лежит. Ничего опасного, но возраст, сама понимаешь!

— Что требуется от меня? — спросила Алина, надеясь, что ее голос не слишком выдает волнение.

— Не хочу, чтобы возле нее были Татьяна или Гульнара. Особенно Татьяна — хабалка она злобная, а бабуля мне дорога. Лучше, чтобы ты за ней приглядела. Не бесплатно, разумеется!

— Что вы, Севан Багратович, разве я могу взять у вас деньги?!

— Конечно, можешь! Всякий труд требует достойной оплаты, и я заплачу столько же, сколько платит Гальперин, идет?

— Но я...

— Ты занята?

— Нет, но...

— Значит, договорились, — снова улыбнулся он. — Я скажу бабуле. Ее зовут Нубар Зебетовна. Лучше запиши — бабуля не любит, когда коверкают ее имя.

С этими словами он развернулся и зашагал обратно к «цветнику», который при этом заволновался и зашелестел, словно от дуновения ветерка: «бог» возвращался к народу, и народ приветствовал его.

— Варежку закрой!

При звуке насмешливого голоса Алина обернулась. Перед ней стояла Татьяна Лагутина — та самая, которую Мейроян не хотел видеть рядом со своей бабушкой. Длинная, под метр восемьдесят, длинноногая

и тонкая, словно ручка от швабры, девица не отличалась привлекательностью, однако была о собственной персоне высокого мнения, полагая себя королевой красоты. Что примечательно, ее самоуверенность передавалась окружающим, поэтому у Татьяны были полчища поклонников, ни один из которых, впрочем, не соответствовал ее запросам.

— Думаешь, ты нужна ему? — продолжала Лагутина, глядя на Алину сверху вниз, как на жука или червячка, внезапно выползшего из яблока. — Забудь! Эти мусульмане женятся только на своих!

— Он армянин... — попробовала слабо возразить Алина. Не против того, что Мейроян не воспринимает ее как женщину, а лишь против неоспоримого факта, имеющего отношение к его происхождению.

— Ну я и говорю — мусульмане, они народ своеобразный!

— Но армяне не...

— А ты чего здесь? — не дослушав, поинтересовалась Татьяна. — Не твоя же смена... А-а, «капусту» рубишь? Слушай, как ты с Гальпериным справляешься?

— Он — пациент, — пожал плечами Алина.

— Он — мозгоед! — возразила Лагутина. — Да я бы ни за какие деньги не согласилась за ним ухаживать. Два шага до могилы, а ведет себя, словно всех собирает пережить!

Бросив эту презрительную фразу, Татьяна удалилась, покачивая костлявыми бедрами, очевидно, воображая себя парусником с полотен Айвазовского. «Хорошо, когда есть выбор!» — тоскливо подумала Алина и направилась в санитарную комнату за чистыми «утками».

Полтора года назад она и сама воротила бы нос от того, чем вынуждена заниматься. На зарплату медсестры в госучреждении не проживешь, а теперь зарпла-

та стала единственным источником ее дохода. День, когда произошла катастрофа, запечатлелся перед ее мысленным взором подобно живой картине, то и дело всплывающей в памяти. Вернувшись домой после ночной смены, Алина осторожно прикрыла дверь, чтобы не разбудить мужа и сына. Георгий сидел за кухонным столом с ноутбуком. В этом не было ничего удивительного, ведь он частенько просиживал за работой ночь, а потом отсыпался до вечера. Удивительным было выражение его лица, когда Гоша поднял голову и посмотрел на Алину — как будто у него внезапно разболелся зуб.

— Я ждал тебя, — чужим, холодным голосом проговорил он, захлопывая крышку компьютера. — Надо поговорить.

— О чем? — поинтересовалась Алина, устремляясь к кофеварке. Она любила утренние часы, когда можно посидеть за чашечкой кофе, глядя на улицу. На то, как она постепенно просыпается и оживает. Дворники, ранние пташки, катят мусорные контейнеры по гулкому асфальтовому покрытию. Люди выползают из подъездов, спеша на работу или учебу, а дети в веселом возбуждении выскакивают на детскую площадку, заполняя песочницы и карусели. Перспектива встретить утро вместе с мужем выглядела привлекательной. В последние несколько месяцев семейная жизнь не ладилась. Алина гнала от себя дурные мысли, надеясь, что все наладится и будет как раньше. Раньше — это когда Гоша не зарабатывал больших денег, и они радовались каждой малости. В их новой квартире не осталось почти ничего от прошлой жизни, разве что пара фотографий и ковер, который стараниями Алины перевезли и расстелили в комнате Русика, несмотря на ворчание Георгия о том, что ковры нынче не в моде. Новую мебель муж заказывал по каталогу. Ждали ее несколько

месяцев, но он уверял, что «оно того стоит». Сама же Алина не могла понять, почему нельзя купить обычный диван тысяч за двадцать, ведь ничто не вечно и рано или поздно подлежит замене. А эти дорожные модульные диваны, кресла и пуфики, обтянутые шелком, требуют особого ухода, к ним даже приближаться с обычным пылесосом страшно. Не говоря уже о мебели из натурального дерева — один стол в гостиной, за который можно посадить человек двенадцать, чего стоил!

С тех пор, как пошел в гору, Георгий буквально пропадал в конторе. Занимаясь разработкой компьютерных игр, он мог большую часть времени проводить дома, ведь и там есть компьютер! Однако муж предпочитал офис. Алина ни разу там не была, однако Георгий рассказывал, что полгода назад снял новое помещение с видом на Фонтанку, где он и его партнер Виталик были полновластными хозяевами. Когда Алина заикнулась, что хотела бы увидеть это «чудо» своими глазами, Гоша замаял разговор. Алина с тоской вспоминала былые деньки, когда они могли часами болтать о всякой всячине, делиться новостями и беззаботно гулять в парке. У них становилось все меньше общего. После рождения Русика, привнесшего столько счастья и радости в ее жизнь, Георгий начал стремительно меняться. Сын его интересовал мало. Гораздо больше раздражал его плач, хотя малыш отличался спокойным нравом и доставлял минимум хлопот. Иногда Алина слышала произносимые сквозь зубы упреки, что с появлением ребенка она стала уделять мало времени семье. Семье — то есть мужу. Георгий не раз предлагал уйти из больницы, но Алина ненавидела просить у него деньги на хозяйство. Они оплачивали дорогую квартиру, и Георгий снимал офис в центре, который съедал целое состояние, однако свободных денег в семье не водилось. Он твердил, что

они нужны на развитие бизнеса, ведь любое серьезное дело требует вложений. Алине и в голову не приходило его упрекать, поэтому она выскочила на работу через полгода после рождения Русика. Ей удалось договориться с пожилой соседкой, чтобы та приглядывала за сынишкой в ее отсутствие за умеренную плату, и быт более или менее наладился. Георгий периодически бубнил, что жене надо проводить больше времени с ребенком. Странная забота, учитывая, что сам он появлялся дома редко и общество своего ноутбука предпочитал обществу подрастающего сына... И вот теперь он хочет поговорить.

— Хорошо, — сказала она, усаживаясь напротив мужа. — О чем разговор?

— О нас, — ответил он, не отвечая на ее улыбку. — О наших отношениях.

— Знаешь, я и сама хотела...

— Можешь ты хоть раз выслушать меня молча?! — неожиданно взорвался он. — Создается впечатление, что, кроме тебя, в доме больше никого нет!

Обвинение было столь несправедливым, что Алина отшатнулась. Это ведь вокруг Георгия крутилось их семейное бытие. Все подчинялось его желаниям, его настроению, его расписанию. Она подстраивалась во избежание ссор, а он обвиняет ее в эгоизме!

— Хорошо, — проглотив обиду, согласилась она. — Говори!

— О, спасибо за разрешение, госпожа! — с едким сарказмом бросил он.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — недоуменно спросила она.

Георгий шумно выдохнул, словно пытаясь восстановить душевное равновесие, и сухо произнес:

— Нам нужно расстаться.

Фраза, сказанная деловым тоном, оглушила Алину.

— Ч-что? — переспросила она.

— Я о разводе, — пояснил Георгий. Он произносил слова медленно, как будто она была недоразвитой или плохо понимала по-русски.

— Почему?!

— Потому что наша семейная жизнь никуда не годится. Мы почти не видимся...

— Но я делаю все, что могу! — перебила Алина. — Сократила количество ночных смен, работаю на полставки!

— Это уже неважно, — поморщился муж, глядя мимо нее, на фотографию на стене. Алине не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, что изображено на снимке — их семья из трех человек. Недавно еще счастливая.

— Я все решил, — продолжил Георгий, переводя взгляд на жену. — Давай обойдемся без скандала?

— У тебя кто-то есть? — онемевшими губами прошептала Алина фразу, которая давно крутилась на языке. Женщина не может не замечать изменений, происходящих в ее мужчине, или она должна быть абсолютно бесчувственной. Но женщина может притворяться, лгать даже самой себе, что все хорошо, в надежде, что что-то изменится. Чем Алина и занималась последние полгода.

— При чем тут это? — раздраженно ответил на ее вопрос муж. — Хотя... да, если хочешь откровенно: у меня есть другая женщина! Но это не главное. Главное то, что я больше не хочу жить с тобой, понимаешь? Мне надоело делать вид, что мы образцовая семья, надоело оправдываться за задержки на работе, за то, что не провожу время с Русланом и с тобой... Наконец, надоело, приходя домой, видеть твое лицо!

Против этого сказать было нечего. Последующие недели прошли, словно во сне. Георгий ушел, и Алина

понятия не имела, где он, хоть и догадывалась. Скорее всего, живет у той, другой женщины, чье лицо не вызывает у него раздражения. Алина не пыталась бороться. Если любовь ушла, разве можно ее воскресить? Только она не ожидала, что Георгий так сильно изменится: ну хорошо, любви больше нет, но они ведь прожили вместе пять лет! Создавалось впечатление, что муж вдруг возненавидел ее, хотя она не сделала ему ничего плохого. Если бы Алина была поопытнее, то, возможно, пришла бы к выводу, что свинским отношением Георгий маскирует собственную вину. Однако Алина во всем обвиняла себя. Она распустилась, перестав наряжаться, забросила мужа, уделяя все свободное время Русуку... Хотя за последнее, честно говоря, ей не стыдно. Постепенно она приходила к выводу, что идеализировала и их с Георгием отношения, и его самого. Георгий вовсе не являлся принцем на белом коне, вызволившим ее из провинции и привезшим в Санкт-Петербург. Алина прекрасно чувствовала себя в Пскове, древнем, красивом городе, где родилась и прожила большую часть жизни. Она рано лишилась матери, а отца и вовсе не знала, поэтому вырастила ее бабушка, Антонина Сергеевна Малышкина. Всю жизнь бабушка проработала поваром в школьной столовой. У нее внучка научилась готовить и печь вкуснейшие пироги и плюшки. Им принадлежал земельный участок под Псковом, где бабушка с внучкой выращивали овощи и зелень. Алина не очень любила сельское хозяйство и в будущем видела себя учителем или инженером, а никак не агрономом. Когда бабушка заболела, она пересмотрела приоритеты и решила, что медицина — гораздо более полезное занятие, нежели преподавание или экономика. Алина ходила за Антониной Сергеевной, как за маленьким ребенком, меняя подгузники, протирая губкой во избежание пролежней и строго следя за приемом лекарств.

К одиннадцатому классу она окончательно сделала выбор в пользу медицинского училища. Бабушка умерла в год его окончания. За несколько месяцев до этого Алина встретила Георгия. Он приехал в Псков к родственникам. Стояла настоящая русская зима, со снегом и морозами. Собственно, зима и стала причиной их знакомства: катаясь на лыжах, Гоша сломал ногу и загремел в больницу, где Алина проходила практику, ухаживая за больными. Георгий стал ее самым послушным пациентом. Его пленили огромные серые глаза, светлые мягкие кудряшки и по-детски пухлые губы, всегда готовые раскрыться в широкой улыбке. Но больше всего Георгия поразили необыкновенная доброта и сострадательность молодой, неопытной медсестрички: нехватку профессиональных умений она компенсировала этими редкими для медицинского работника качествами.

Георгий выздоровел, во многом благодаря стараниям новой знакомой, и укатил обратно в Питер, обещая писать и звонить. Слово он сдержал, а вот Алине стало не до него, когда состояние Антонины Сергеевны ухудшилось. Наступил кризис, ее положили в больницу, но там бабушка протянула всего четыре дня. Алина осталась одна. Две недели она приходила в себя, пытаясь понять, что делать дальше. От болезненных и бесплодных размышлений ее спас Георгий. Он приехал в Псков и сказал, что забирает Алину в Санкт-Петербург. Он быстро продал квартиру и участок — Алина была слишком расстроена, да и понятия не имела, как это делается. На вырученные деньги Гоша взял ипотеку, и через короткое время они стали гордыми обладателями отдельной квартирки в Девяткино. Не самый лучший район — минимум зелени, никакой инфраструктуры — зато они вместе! И полетело время. Два безоблачно счастливых года, беременность

и рождение Русика — самое значительное событие в жизни Алины. Гоша занимался компьютерными играми и вскоре встретил человека, с которым они вместе начали разрабатывать новый проект на популярную военную тематику. Игру купила крупная фирма, сделав заказ еще на две. Тот период Алина вспоминала как один из самых приятных в жизни. Они продали квартиру и купили новую, в престижном районе, где полно магазинов, кафе и, самое главное, отличный детский садик для Русика. Алина устроилась в хорошую больницу недалеко от дома. У Георгия появились дорогие привычки — посещение клубов, занятия в спортзале и выезды на природу с друзьями, и дорогие игрушки — часы, машина и куча гаджетов, о назначении большинства которых Алина понятия не имела. Раньше у них все было общее — деньги, развлечения, друзья. Теперь Гоша выдавал Алине строго определенные суммы на домашние нужды, причем зачастую требовал чек, если стоимость чего-то превышала его ожидания. Он перестал выводить ее куда-то, а ведь раньше, когда они располагали куда более скромными возможностями, Гоша и Алина каждый выходной ходили в какое-нибудь уютное кафе или ресторанчик, в кино или на концерт. Приятели тоже поменялись. Георгий перестал водить дружбу с теми, с кем они общались раньше, и завел новых знакомых, которых Алина знала только с его слов. В результате жена тоже перестала удовлетворять его возросшим запросам, и Георгий без сожаления с ней распрощался.

Постепенно Алина стала привыкать к тому, что ее семья сократилась до двух человек. Гоша редко навешал Русика, в то время как мальчик постоянно спрашивал об отце. Он не понимал, что такое развод, и Алина не могла объяснить сынишке, почему папа больше с ними не живет. Поэтому она врала. Сначала папа «уехал в ко-

мандировку», потом «у него много работы». Каждый раз ей приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы придумать правдоподобное объяснение отсутствия отца в жизни Русика. К счастью, малыш не знал, что взрослые могут врать, поэтому верил маме и ждал. Ждал, когда Георгий вспомнит о нем. Он «вспоминал» нечасто. Сначала приходил и выгуливал Русика часа два, потом стал позванивать время от времени. Алина терпела такое положение вещей, так как была твердо уверена, что ребенку нужен отец.

Прошло три месяца. Вернувшись домой после смены, Алина с ужасом обнаружила, что дверь в квартиру распахнута настежь. Их ограбили?! Но все оказалось гораздо прозаичнее: Георгий нанял грузчиков, которые в отсутствие жены и сына вынесли из дома все ценное. Кое-какую мебель Гоша милостиво не тронул, зато теперь Русик не мог смотреть мультики, ведь папа забрал большой плоский телевизор, оставив в стене две дырки от кронштейна, на котором он крепился, как напоминание о том, что телевизор имел место быть. Последней каплей явилась бумага, пришедшая по почте, словно Георгию стыдно было принести ее лично. Это оказалось постановление суда о выселении. Алина в панике позвонила бывшему мужу, напомнив, что жилье является совместно нажитым имуществом, а тот лишь насмешливо спросил:

— Господи, и где ты только такого набралась — в своей больничке? — И добавил: — А хата принадлежит моей маме, поэтому к тебе не имеет никакого отношения!

— Как это — маме? — тупо переспросила Алина.

— Ты сама подписывала документы, помнишь? Об отказе на долю в квартире?

Она и в самом деле ставила подпись на каких-то бумагах, не вчитываясь в их содержание — разве могла

Алина подумать, что собственный муж, ее Гоша, ее обманет?!

— Но у нас же сын! — пробовала возразить она, тщетно ища более весомые аргументы. — Ты что, выгоняешь его на улицу?!

— Бог с тобой, — пожал плечами Георгий, — никто ребенка не оставляет без жилья! Я приобрел комнату в коммунальной квартире. Двадцать пять метров. Район отличный... Правда, от больницы далековато, но ничего, найдешь другую — медсестер везде не хватает!

И Алина с сыном переехали в коммуналку. Ее соседями стали спившийся отставной военный и семейство кабардинцев, занимающихся отделкой квартир. Последнее обстоятельство пригодилось: парни помогли молодой мамаше с ремонтом. Поначалу Алина побаивалась, что сыну не понравится новое жилье, но Русик воспринял все как должное: раз мама сказала, значит, так надо. Теперь Алине приходилось рассчитывать только на себя. Гоша предложил ей не подавать на алименты, а вместо этого обещал обеспечивать сына всем необходимым. На деле же Алине каждый раз приходилось клянчить деньги на все, от детского сада до новых ботинок. В конце концов ей надоело. Алина поняла, что придется выкручиваться самостоятельно. И она выкручивалась, проводя большую часть времени на работе. Русика чудом удалось пристроить в круглосуточный садик, а Алина после смены занималась платным уходом за больными. Даже за такими противными, отвратительными типами, как адвокат Гальперин.

Конечно же, ничего этого Татьяна знать не могла. Да и знай она, Алина сомневалась, что дождалась бы сочувствия от коллеги, которая ни к кому не испытывала симпатии. А чье-нибудь участие ей сейчас бы совсем не помешало!

— Ну и сколько мне ждать, чтобы вытащили эту дурацкую посудину из-под моей задницы?!

Эти гневные слова обрушились на нее, едва Алина шагнула в палату.

— За что я только бабки плачу? — продолжал бешевать требовательный пациент. — Если бы я хотел снять гостиничный номер, то выбрал бы что-нибудь получше вашего гадюшника! Мне нужен уход, а не койко-место и вайфай! Мало мне унижений с этой треклятой уткой...

Не говоря ни слова, Алина помогла брюзжащему адвокату избавиться от утренней порции дерьма. Она знала, что ввязываться в спор бесполезно, все равно у Гальперина язык подвешен лучше. Зачем его лишний раз раздражать, ведь он платит ей и за терпение в том числе!

Алина не видела радости в том, чтобы пререкаться с больным — да чего уж там, умирающим человеком. Гальперин, несмотря на всю свою желчь и отвратительный характер, частью природный, частью выработанный профессией, в лучшем случае протянет еще месяц. Ну два. Он попал в больницу с повреждением копчика во время неудачного падения с лестницы, но являлся онкологическим больным. Опухоль желудка была злокачественная и находилась в терминальной стадии. Терапию, возможную в таких случаях, Гальперин прошел без особого успеха, и теперь неумолимое время приближало его конец. Адвокат отказался от новых предложений лечащего врача, обещавшего какие-то экспериментальные методы, предпочитая остаток жизни провести в здравом уме и твердой памяти. В специализированное отделение ТОН, или травматолого-ортопедическо-нейрохирургическое, его доставили на «Скорой помощи» и поместили в отдельную палату, которая стоила уйму денег. Однако Гальперин, самый известный адвокат по

разводам в городе, мог себе это позволить. В его палате имелось все для комфортного пребывания: телевизор, диван и кресла для посетителей, стол и, разумеется, отдельная ванная комната. В отличие от многих помещений в отделении, нуждающихся в ремонте, эта и соседняя с ней, ныне пустующая палата были недавно приведены в порядок. И все равно капризный пациент частенько выражал недовольство то одним, то другим, и оно, как правило, выливалось на Алину или санитарок. Санитарки в больнице — вымирающий вид. Постоянно сокращающийся бюджет делает их зарплаты мизерными, а работы не убывает, поэтому с каждым годом заведующим отделениями приходится изодраться, пытаясь сохранить места, добавляя им денег за счет премий. Поэтому санитарки, считающие себя в какой-то степени привилегированным классом, не желали терпеть придирок Гальперина. В результате и сменщица Алины, и санитарки отказались работать с адвокатом. А Алине необходимы деньги, которые он, несмотря на свой злой язык, платил исправно, поэтому она просто не имела права привередничать. Пока девушка молча устанавливала капельницу и искала вену на тощей, жилистой руке, Гальперин внимательно ее разглядывал. Она чувствовала это кожей, и ощущение было не из приятных. Наверное, именно так он рассматривал в суде тех, с кем намеревался разделаться — словно под микроскопом, ища слабые места.

— Ну и что у нас случилось?

Вопрос адвоката застал Алину врасплох, и ее рука замерла в воздухе.

— Простите? — пролепетала она, поднимая глаза.

— Вы меня расслышали, — поморщился он. — Умерли все родственники в Мордовии, дом сгорел, а вас продают в публичный дом за долги?

— П-почему в Мордовии? — недоуменно переспросила она, не обратив внимания на то, что вторая часть вопроса звучала обидно.

— Ну я не смог придумать более отдаленного региона, — пожал плечами Гальперин. — Вы ведь не питерская, верно?

Удивительное дело! Раньше адвокату было наплевать на Алину и на то, кто она и откуда взялась. Можно ли считать его вопрос хорошим знаком?

Она воткнула иглу в вену, и Гальперин поморщился. Зря, ведь Алина точно знала, что не причинила ему боли — что-что, а с венами она работала, как Да Винчи с механизмами! Так однажды сказал Мономах... то есть заведующий ТОН Князев.

— Я родилась и выросла в Пскове, — ответила на вопрос Алина, решив не напоминать о том, что ее родной город, да еще Новгород считаются родоначальниками Руси, а вовсе не Санкт-Петербург, суший младенец по сравнению с древними столицами. — Родители умерли давно, но у меня есть сын, Руслан. Ему четыре года.

— Ну надо же... А муж?

— Что — муж?

— У вас нет кольца, — пояснил Гальперин, и Алина инстинктивно сжала правую руку в кулак. Она носила обручальное кольцо до развода не снимая, разве что когда мыла руки. А вот Георгий не носил, говоря, что оно мешает ему, нарушает кровоток в пальце и вообще его можно легко потерять. Для окружающих он был свободен. «Свободен» — странное слово, неожиданно подумалось Алине. Почему женщину называют незамужней, а мужчину — свободным? Как будто бы, надевая кольцо на безымянный палец, он автоматически попадает в тюрьму!

— Во-вторых, — продолжил объяснять свои выводы Гальперин, — вы проводите в больнице слишком мно-

го времени. Ни один муж не выдержит такого режима. Вам нужны деньги, ведь вы работаете сверхурочно, ухаживая за платными пациентами. Вы не пишете и не получаете эсэмэсок, тогда как другие медсестры постоянно что-то строчат и получают ответные сообщения, отлынивая от работы. Все вышесказанное позволяет предположить, что мужа нет.

Алина почувствовала, что краснеет: она и не предполагала, что является предметом столь пристального внимания!

— Я разведена, — подавляя вздох, честно ответила она.

— Судя по всему, недавно.

Это не был вопрос.

— Значит, в коммуналке вы оказались после развода?

Алинины глаза широко распахнулись: откуда он мог узнать про коммуналку?!

— Расслабьтесь: я навел о вас справки. Неужели вы полагаете, я позволил бы кому ни попадя лицезреть мою задницу?

— А я-то думала, ваши выводы — следствие применения дедукции! — разочарованно проговорила Алина.

— О, вы знаете умные слова! — насмешливо сощурился Гальперин.

— Я окончила школу и медицинское училище, — сухо ответила она. — Это подразумевает, что я как минимум умею читать и писать.

— Оказывается, она может и зубы показать! — с удивлением и даже вроде бы некоторым удовольствием пробормотал адвокат. — Ну, раз карты вскрыты, давайте поболтаем без обиняков?

— Мы что, в покер играем?

— Пока не играем. Но если начнем, игра обещает быть занятой!

Алина недоуменно уставилась на Гальперина. О чем он говорит? Они едва знакомы! Он ни разу не выказал ей симпатии — впрочем, и никому другому. К адвокату приходили посетители, некоторые из которых, видимо, состояли с ним в родственных связях. Тем не менее было очевидно, что они делали это по обязанности, отнюдь не горя желанием проводить время у постели адвоката. Что не удивительно, если принять во внимание его вздорный характер и любовь совать нос в дела малознакомых людей!

— Я в азартные игры не играю, — ровно ответила Алина.

— Бойтесь, что затянет?

— Боюсь, что зря потрачу время и деньги.

— А хотите их не потратить, а получить?

Вопрос застал Алину врасплох. Как же тяжело разговаривать с этим Гальпериным — он как будто все время пытается подловить ее!

— Я не понимаю...

— Конечно, не понимаете! — перебил он. — Я в курсе, что муженек выпер вас из квартиры в коммуналку. Принимая во внимание то, как вы ломаетесь на работе, он вряд ли вас поддерживает материально. Хоть алименты-то платит?

— Почему вы говорите со мной о таких личных вещах? По-моему, они касаются только меня, и...

— Разумеется, глупая девчонка, они касаются вас! — резко прервал ее Гальперин. — Но если вы и дальше будете продолжать плакать в подушку по ночам и не предпримете никаких действий, то вас и вашего ребенка в последующие лет пятнадцать ожидает мрачная перспектива. Вы думали, в какую школу он пойдет? Кружки, секции, репетиторы? А как насчет дальнейшего образования? Что вы можете дать ему? Когда вы идете в магазин, вы можете купить сыну

робота-трансформера или довольствуетесь киндер-сюрпризом? Ответ очевиден... А ему, я вас уверяю, хочется робота!

Алина тяжело сглотнула. Русик — замечательный ребенок, он почти ничего не просит, как будто знает, что она все равно не сможет ему это купить. Другие дети приносят в детский сад дорогие электронные игрушки, и Русик с придыханием рассказывает дома об этих чудесах техники, но в детском магазине довольствуется тем, что просто рассматривает дорогие товары. Алина пользовалась каждой возможностью порадовать сына, но Гальперин прав: сколько бы она ни трудилась, ей не заработать достаточно, чтобы иметь возможность доставлять удовольствие собственному ребенку!

— Зачем вы все это мне говорите? — растерянно спросила она.

— У меня есть для вас предложение. Вернее, сделка.

«Сделка с дьяволом?» — отчего-то мелькнула в ее голове странная мысль. Но что Алина может предложить такому человеку, как Гальперин? У нее же ничего нет!

— Я адвокат, вы знаете, — продолжал он между тем, словно не замечая ее недоумения. — По разводам.

Алина машинально кивнула.

— Хотите вернуться в вашу квартиру? А еще я могу сделать так, что ваш бывший сильно пожалеет о том, что поступил с вами подобным образом. Ну, мне удалось вас заинтересовать?

* * *

Алсу постучала в дверь заведующего ТОН и услышала резкое:

— Войдите!

Он разговаривал по телефону и знаком указал на диван. Она молча уселась.

— Почему ее нельзя перевести в травматологию? — продолжал он разговор. — Она — ваша пациентка! Операцию ей делали у вас, и... Нет, мы не можем просто удалить протез — а дальше-то что?

Алсу внимательно следила за ртом заведующего — за тем, как двигаются его четко очерченные губы и кадык на шее. Длинные, сильные пальцы нервно постукивали по стильному пресс-папье в виде человеческого мозга, сделанного из черного оникса. Красивая работа. Красивые пальцы.

Голос на другом конце провода, очевидно, продолжал высказывать возражение за возражением, и заведующий раздраженно бросил трубку на базу. Желваки на его лице ходили ходуном, а серые глаза потемнели, став практически черными.

— Что-то случилось? — мягко поинтересовалась Алсу. Они были не в тех отношениях, что предполагают делиться наболевшим, но и оставить случившееся без внимания она не могла.

Владимира Всеволодовича Князева, зава ТОН, за глаза называли Мономахом. Алсу не знала, с чьей легкой руки прилепилось к нему прозвище, но слышала, что случилось это во время учебы в институте. Кто-то сведущий в русской истории обратил внимание на совпадение имени и отчества парня с Владимиром Мономахом¹, а также на фамилию и решил обыграть все в шуточной манере. Вряд ли шутник предполагал, что идея приживется.

— Вчера доставили пациентку, — медленно, словно все еще размышляя, стоит ли откровенничать, ответил

¹ Владимир Всеволодович Мономах — князь смоленский, черниговский, киевский, государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель.

на вопрос Алсу Мономах. — Перелом протезированной шейки бедра.

— Вот же черт! — не сдержалась молодая женщина. — Сколько ей лет?

— Семьдесят четыре.

— О.

— Вот именно. Протез — вдребезги! Ставили его у нас, семь лет назад.

— В травматологии?

Он кивнул.

— А почему тогда к вам доставили?

— Тактаров сказал, «свободных коек нет».

— Ну да, бесплатных нет свободных! — скривилась Алсу. — Все в курсе, что коек нет, поскольку отделение забито платными пациентами, и врачи, включая самого Тактарова, трудятся в поте лица, рубя «капусту» — конечно, у них нет возможности заниматься больной, поступившей по ОМС!

— Вот я и пытаюсь перевести пациентку, но пока не выходит, — хмуро кивнул Мономах.

— Но Тактаров же не может не понимать, что она лежит не по адресу? Что вам с ней делать?

— Он предлагает удалить протез и все вычистить, но это же не выход!

— Разумеется, нужна замена протеза.

— Квот давно не сбрасывали, и Тактаров не желает возиться, — подытожил Мономах. — А ведь это он, лично, ставил ей титановый сустав!

Алсу понимала, что единственный выход в подобном случае — обратиться напрямую к главврачу: только он может обязать Тактарова взять пациентку. То, что зав травматологией — личный друг главврача, знают все. Выходит, жаловаться и требовать справедливости не имеет смысла.

— И что вы будете делать? — поинтересовалась она.

— Понятия не имею... У вас-то ко мне какой вопрос?

Алсу и забыла, зачем пришла!

— Я насчет вашего пациента, Газарова.

— Он не мой, а Карповича. Так что с ним?

— Нельзя оперировать, надо подождать.

— Так плохо?

— Газаров — кардиологический больной, ему, по хорошему, нужно у нас лежать.

— Ну, Алсу Азатовна, не мы же его силком заставляем — его к нам направили! — развел руками Мономах. — Операция ему показана, но раз вы говорите — нельзя... Вы же понимаете, у нас не отель, и держать непрофильных больных я не имею права. Раз оперировать невозможно, значит, по идее, нужно отправлять его домой. Или к вам перевести?

— Думаю, это можно сделать, — кивнула Алсу. — Найдем для него койку. А потом — снова к вам.

— Отлично!

Она видела, как складки вокруг рта зава ТОН разгладились, и порадовалась, что пусть и совсем чуть-чуть, но облегчила ему существование. Алсу знала, что Мономах переживает непростое время. Он проработал в больнице восемнадцать лет, умудрившись не испортить отношения с коллегами и завоевать уважение персонала. Однако с приходом нового главврача полгода назад многое изменилось, и не в лучшую сторону. «Новая метла» сама по себе является источником стресса, а «метла» в лице Тимура Айдаровича Муратова мела всех без разбора. То и дело Алсу с сожалением выясняла, что очередной коллега, хороший специалист, уходит, не поладив с начальством, а на его место берется темная лошадка, зато — знакомый Муратова. Со спецотделением ТОН и его заведующим у Муратова сложились «особые» отношения. Путем

несложных умозаключений она могла предположить, что проблема заключалась в двух вещах. Первой был бывший главный, Павел Афанасьевич Лаврушин, чье место занял Муратов. Случилось это по состоянию здоровья первого, иначе последнему не видать бы должности как своих ушей — во всяком случае, в этой больнице, считавшейся одной из лучших в городе. Именно Лаврушин перетащил Мономаха сюда и взял над ним шефство, помогая и поддерживая молодой талант, который он сумел вовремя разглядеть. Алсу не знала, какие отношения связывали Лаврушина и Муратова, но догадывалась, что они знакомы — и, скорее всего, друг друга недолюбливают. Второй причиной пристального внимания главврача наверняка являлся своеобразный характер Мономаха. С ним можно договориться, но горе тому, кто попытается подмять его под себя — ни угрозами, ни авторитетом надавить на зава ТОН невозможно. Вот потому-то с самого первого дня занятия Муратовым новой должности между ним и Мономахом началось противостояние, которое рано или поздно должно чем-то закончиться.

— У вас что-то еще? — поинтересовался зав, и Алсу поняла, что таким вежливым способом он предлагает ей завершить «аудиенцию».

Выйдя из кабинета, она пошла к лифту, но настойчивый телефонный звонок заставил ее притормозить.

— Да, мамочка?

— Детка, ты помнишь о сегодняшнем ужине?

— Прости, о каком ужине?

— Ну как же, милая, я ведь несколько раз тебе напоминала! — Голос матери звучал расстроено. — Дядя Ренат придет, с сыном.

О боже, с сыном — мама в своем репертуаре! Алсу отлично понимала, что это означает: родители не оставляют попыток найти дочке мужа. Ей почти трид-

цать, карьера складывается успешно, а вот с личной жизнью не ладится. Отчаявшиеся родители постоянно устраивают встречи с друзьями и их детьми, приятными молодыми людьми, однако Алсу до сих пор упорно избегала продолжения знакомств. Похоже, и в этот раз придется сделать над собой усилие, дабы не огорчать папу с мамой!

* * *

Алина чувствовала себя неуютно в пустом кабинете, обставленном по последнему слову эргономики. Ее взгляд скользил по выбеленным стенам, на которых висели абстрактные картины. Алина не понимала современное искусство, предпочитая классическое изображение людей и предметов. Больше всего ей нравились портреты. Алина не разбиралась в живописи, но любила разглядывать человеческие лица. На них читались эмоции, которые натурщики испытывали в момент, когда их запечатлела кисть мастера. По этим застывшим лицам можно сделать предположение о характере людей, о том, какую жизнь они прожили. А разноцветные мазки, хаотично разбросанные по полотну, не производили на нее впечатления. Как-то по телевизору Алина видела сюжет о слоне в зоопарке, который любил набирать в хобот краску, а потом выплескивать ее на холст. Служители прикинули, что на этом можно заработать, и стали продавать слоновьи «картины» в Интернете. Странной была не сама идея, а то, что находилось немало людей, согласных платить деньги за звериное «творчество»!

— Простите, что заставила ждать, — раздался голос у нее за спиной, и Алина вздрогнула от неожиданности. Пересекая кабинет, к ней приближалась маленькая, хрупкая на вид женщина лет пятидесяти, одетая в брючный костюм. Как ей удалось бесшумно

открыть дверь и проскользнуть внутрь так, что Алина и не заметила?

— Борис Исаевич в общих чертах рассказал мне о вашем деле, — продолжала дама. — Меня зовут Людмила Семеновна. Могу я называть вас по имени?

Алина кивнула: еще не хватало, чтобы дама вдвое старше нее обращалась к ней по имени-отчеству! Гальперин отзывался об адвокате Арнаутовой как о весьма компетентном профессионале, но делал он это с прищущим ему сарказмом:

— Она — как я, только в юбке. Берет дорого и добывает раненых.

Такая характеристика заставила Алину поежиться. Да что там, при каждом взгляде на Гальперина, который, по словам лечащего врача, находится в двух шагах от погоста, у нее мурашки бегали по спине, как блохи на собачьей подстилке — неужели в природе существует его женский аналог? Да она и не пришла бы, если бы не событие, имевшее место вчера, — это оно заставило ее возобновить разговор с капризным пациентом, который поначалу показался бесполезным.

— Гальперин предупредил вас о гонораре? — деловым тоном поинтересовалась между тем Арнаутова.

— Он сказал, вы берете двадцать процентов от выигранной суммы. Только, по-моему, в моем случае это — двадцать процентов от нуля!

— Лишь потому, что вы понятия не имеете о том, что удалось выяснить мне! — возразила адвокат и извлекла из сейфа, стоящего справа от стола, папку. Это была не просто пластиковая папка, а папка розового цвета, украшенная... феями! Точно такую она купила на день рождения подружке Русика по детскому садку. Гальперин, наверное, решил над ней поиздеваться: женщина, хранящая важные документы в файле с фе-

ями, не может быть серьезным специалистом! И все же заинтригованная Алина задала вопрос:

— Что это?

— Ваши деньги. И имущество.

— Какое такое имущество? У нас только квартира...

— Ошибаетесь, Алина! — перебила Арнаутова. — Я еще не до конца вникла в дело, но даже то, что знаю на данный момент, позволяет предположить, что мы сделаем вас состоятельной женщиной.

— Состоя... простите, я не понимаю!

— Уверена, что так и есть, — снисходительно улыбнулась адвокат. В ее улыбке не было тепла, лишь необходимая демонстрация человечности для установления доверительности в общении с клиентом. — Вы, конечно, не в курсе, что у вашего бывшего супруга имеется недвижимость, помимо совместно нажитой квартиры?

— Недвижимость? — тупо переспросила Алина. — Н-но я бы знала...

— Как показывает практика, дорогуша, жены последними узнают о реальном состоянии дел супругов, точно так же, как и о наличии у них второй семьи или любовницы!

Алина прикусила губу, осознав правоту собеседницы.

— Алина, — мягко проговорила Арнаутова, хотя глаза ее оставались холодными, — я хочу, чтобы вы поняли: ваш случай — не исключение из правил, а правило. Бывший муж обманывал вас во время брака и продолжает обманывать. Он завел любовницу, и она выше вас по статусу. Наверняка он считает, что привел свою личную жизнь в соответствие с профессиональной. У него есть и деньги, и собственность, которую он приобретал, даже не ставя вас в известность!

— Это неправда! — возмутилась молодая женщина. — Наши отношения испортились, но это случи-

лось недавно, а до этого мы жили хорошо. Мы были счастливы!

— Нет, Алина, это вы были счастливы, — возразила Арнаутова. — Вы создали свой маленький мирок, обслуживали его и думали, что муж это оценит. Вы были нетребовательны, но Георгий не желал довольствоваться малым. Он сумел многого добиться — с вашей помощью. А значит, вы имеете право на часть имущества: в нашей стране, слава богу, существует семейный кодекс! Но ничто в этом мире не дается просто так, все нужно вырывать зубами, понимаете? Надо драться за то, что по праву ваше! Но я вижу, вас беспокоит что-то еще? — нахмурилась она, заметив выражение смятения на лице собеседницы.

— Д-да, есть кое-что...

— Выкладывайте!

— Вчера ко мне приходили из органов опеки.

— Так-так?

— Меня не было дома, и их впустил сосед.

— Очень интересно, продолжайте!

— Они потребовали, чтобы он открыл им дверь.

У него есть ключ, на всякий случай...

— Погодите, я правильно понимаю: вас не было дома, но эти люди все равно вошли и даже ворвались в вашу комнату?

— Да...

— Отлично! Что дальше?

— Сосед... он выпивает и не разбирается в таких вещах, но и его удивило, что представительница органов опеки шарила в моем холодильнике и в шкафах.

— Понятно, — спокойно кивнула Арнаутова. — Искали свидетельства того, что вы никудышная мать!

— Что?!

— Не понимаете? В холодильнике должно быть полно продуктов, а в шкафах — качественные детские

вещи, что доказывало бы вашу состоятельность как родительницы.

— Но почему я должна кому-то что-то доказывать?

— Боюсь, это моя вина. Я начала копать под вашего бывшего, не встретившись с вами, — делала, так сказать, домашнюю работу... И он, видимо, переполошился.

— Простите, я не...

— Георгий не платит алименты, верно?

Алина кивнула.

— Если всплывут его реальные доходы, вам с сыном причитается приличная сумма. В такой ситуации любой адвокат посоветовал бы ему получить опеку над ребенком и определить порядок проживания с отцом.

— Он может это сделать?!

— Он может попытаться. Но мы не позволим! Даже не думайте сейчас об этом. Обычный трюк отцов, не желающих выполнять свои обязательства. Вам придется мне помочь, Алина. Я могу обещать жесткую борьбу. Придется отбросить мысли о том, что когда-то вы любили мужа. Никаких сожалений. Никакой благотворительности. Пленных не брать!

— Но я не могу так, — пробормотала едва слышно Алина. — Как бы там ни было, Георгий...

— Подумайте о сыне, — прервала ее сбивчивую речь адвокат. — Какой судьбы вы ему желаете?

То же самое говорил и Гальперин. Интересно, они договорились, или такой подход — обычный адвокатский прием?

— Скажите, Георгий общается с Русланом? Он дарит ему подарки, водит в цирк, в парк, на стадион? Звонит поинтересоваться, как живет сын в коммунальной квартире, потому что родной папаша выселил его с матерью из дома, где малыш прожил всю свою жизнь? Я слышала, вы хотели стать врачом, но при-

шлось остановиться на училище из-за бабушки. А потом — из-за мужа, из-за сына... У вас могла быть карьера в медицине, вы занимались бы любимым делом и пользовались всеобщим уважением, а не выносили бы утки из-под людей вроде Гальперина! Вместо этого вы помогали супругу строить карьеру. Вы готовили ему еду, гладили его рубашки, растили его ребенка — и что получили взамен?

— Простите, вы замужем? — спросила Алина и похолодела от собственной наглости.

— Да, — невозмутимо ответила Арнаутова. — У меня двое детей, они учатся в университете. А еще у меня есть собака и морская свинка.

— Извините... — Алина чувствовала, как ее щеки заливаются краской. А ей-то казалось, что у такого человека не может быть семьи, не говоря уже о домашних животных!

— Скажите-ка, представители органов опеки оставили свои координаты, чтобы вы могли с ними связаться? — спросила тем временем адвокат.

— Вроде нет...

— Вопиющая некомпетентность! Ничего, я выясню, кто именно приходил. То, что они ворвались в дом в ваше отсутствие — не просто правонарушение, а самое настоящее преступление. Они, конечно, станут оправдываться, говорить, что не могли застать вас дома... Кстати, вам звонили, предупреждали о визите?

— Нет, никто не...

— Так я и думала! Не берите в голову, с этой, с позволения сказать, «опекой» я разберусь. Вернемся к нашим баранам. Вы поняли, о чем я вам тут толковала — как мы будем действовать?

— Пленных не брать?

— Умница!